

Тамара Ветрова

СМЕРТЬ

в редакции

Тамара Ветрова

Смерть в редакции

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ветрова Т.

Смерть в редакции / Т. Ветрова — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Повесть «Смерть в редакции» адресована поклонникам классического детектива, принимающим правила игры. Единство места и действия, ограниченный круг действующих лиц, атмосфера тайны и тревожных предчувствий, которые не замедлят сбыться, а также соучастие читателя в разгадывании тайн, иллюзия, мистика, которая, как и должно быть в детективе, имеет рациональное объяснение, тайна человеческого поведения — все это безусловно вводит читатель в мир названного жанра.

© Ветрова Т.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Действие 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Тамара Ветрова
СМЕРТЬ В РЕДАКЦИИ
Фарс в четырех действиях
со смертельным исходом

Действующие лица:

Владимир Слобода – главный редактор журнала

Глеб Таратайко – завхоз редакции

Дима Смольянинов – заведующий отделом

Г-н Бранников – симпатичный поэт-авангардист, пребывающий в
неутомимом поиске собственного «Я» в узких рамках редакционного клозета
С.П.

Ольга Павловна Удученко – сочинитель доносов

Я – малоизвестный автор и читатель детективов

Действие 1

Я вогнала гвоздь в самый висок Глеба Таратайко и полюбовалась на свою работу. Таратайко, отметила я, и с моим гвоздем сохранял выражение идиотской мечтательности на поношенной физиономии, тут уж было ничего не поделать...

Я вздохнула и попыталась припомнить, как вышло, что я, нормальный в общем человек, занимаюсь таким малопочтенным делом – свожу счеты с тем, кто даже ответить мне не в состоянии, поскольку в настоящую минуту находится, слава богу, далеко от меня, и вот вместо того, чтобы прямо поговорить с оригиналом, я разделяюсь с убогим журнальным фото...

Разглядывая поврежденного Таратайко, я была вынуждена признать, что после моей операции (гвоздь) ничего решительно не переменилось, а было то, что было – мои рукописи, застрявшие в редакции, но еще до того – черед писем «возмущенных горожан», а также встреча с читателями самого Таратайко, завхоза и писателя, поэта и гражданина, так сказать...

Короче говоря, уже понятно: я, жительница маленького города, оказалась в эпицентре вульгарного скандала, орнаментом которого явились заурядные сплетни, а сердцевиной – смерть человека, чье имя я пока утаю... Почему, спросите вы, утаю? В том-то и дело, что особой причины нет; просто я – читатель детективов. Невинное увлечение, ничего не скажешь; иногда, однако, любовь к загадкам толкает меня под руку, и вот я не могу удержаться и сама берусь за перо... Ну и сочиняю, само собой, всё те же детективы! Выходит у меня, конечно, не так блестяще, как у великих предшественников – но игра от этого не становится менее захватывающей...

Самое главное, однако, так и осталось неназванным (без него все объяснения теряют смысл!).

Дело в том, что герои моих сочинений – горожане. Мои знакомые или похожие на моих знакомых люди. Сослуживцы. Начальники и их подчиненные. Соседи. И так далее, и так далее...

Спрашивается – почему? То есть почему бы мне не изобразить незнакомых, вымышленных персонажей? Причина удручающе проста и укладывается в три слова: я не умею. Читатель, как уже было отмечено, я многоопытный, а вот писатель – начинающий. Что вижу – то пишу. Акын. Незнайка. У Авоськи под подушкой лежит сладкая ватрушка.

Так или иначе, мое детективное сочинение напечатали в областном журнале. Который – это существенно – получает наша городская библиотека, а стало быть, – читают горожане.

Вот и прочитали, и началось... Убийца, как выяснилось, похож на известного в городе человека... Труп – тоже... И сыщик! И родственники...

Нечего и говорить, разгневаны оказались и убийца, и жертва. Возмущены (трудно сказать, кто больше...)! Измышления! Обидные намеки...

Насмешничать над уважаемыми людьми? Игнорируя их заслуги?!

«Неужели, – подумала я, испытывая легкий ужас и восторг одновременно, – неужели получилось так *похоже*?!».

Выходило – да, так...

Короче говоря, на меня обиделись.

И – единым фронтом стали на защиту... Чего именно? Признаться, я хорошенько не поняла... Тем более, я не так уж серьезно отношусь к своим сочинениям (зато серьезно отнеслись мои читатели). Даже до такой степени серьезно, что пожаловались на меня в редакцию журнала – того самого, что опубликовал злополучную повесть (а за ней и еще одну); ну а уж потом вышло так, что в наш город приехал *писатель*. Намечалась встреча с городской интеллигенцией...

Хочу сразу сказать, что из этой затеи ничего путного не получилось. Главным образом – из-за того, что писатель оказался липовым. Его звали Глеб Таратайко, и он служил завхозом в редакции журнала (который я с некоторых пор начала читать... Раз они меня напечатали!).

Ну вот, кое-что и разъяснилось. То есть разъяснилось – помимо гвоздя и моих дальнейших переживаний. Ну и еще – помимо того, с какой стати нормальный завхоз заделался в писатели...

Начну, пожалуй, с завхоза – просто из соображений справедливости. Дело в том, что этот Глеб Таратайко сыграл в дальнейших событиях куда более существенную роль, чем я. Так получилось сразу по нескольким причинам. Одна из них – неутолимая тяга к природе бывшего завхоза (теперь-то он и бывший писатель. Да и вообще... Но это – теперь!).

А тяга к природе у него была, и точно, неутолимая! То есть он буквально не мог ее утлить! Сколько ни припадал к источнику... Припадал же, надо отметить, довольно регулярно, каждый сезон. Летние, осенние, зимние, весенние заметки радовали читателя соответственно летом, осенью, зимой и весной. Иногда, впрочем, брошюра-приложение оказывалась тесновата для всего календаря, и тогда в августе изумленный читатель внимал, как скрипели лыжи под бойкой ногой Глеба Таратайко...

В общем, немолодой завхоз начал понемногу входить во вкус, и вовсю катал свои сочинения... Но поскольку он работал завхозом не в каком-нибудь детском садике или где-то еще, а в редакции толстого литературного журнала – оно и пошло... Зам. Главного редактора по хозяйственной части постепенно стал опускать часть своего титула и превратился просто в Заместителя Главного Редактора. Уж не знаю, продолжал ли он в новом качестве следить за состоянием труб – но литературные дела Таратайко принялся контролировать всерьез. Встреча с читателями, состоявшаяся в нашем городе, подтверждала самые страшные подозрения.

В большом зале Городской библиотеки собрались любители литературы. Это были преимущественно учительницы преклонного возраста, раздражительные и доверчивые одновременно. Они вообразили, что Таратайко с его творениями о лосях, грибах и ягоде морошке – второй Пришвин или, в худшем случае – Бианки... И вот подумали, что нынешним подросткам не повредит встреча с именитым человеком, чьи сочинения печатают в журнале; что это все же лучше, чем фильм «Матрица» – или что там они смотрят по своим видикам?

Что по этому поводу думали сами подростки – неизвестно. Они получили инструкции относительно жвачки (которую пришлось затолкать за щеку) и некоторые указания насчет общей культуры поведения, и вот теперь сидели, поминутно сползая с бархатных кресел, и вяло переругивались с товарищами по несчастью.

Глеб Таратайко чувствовал себя превосходно. В джинсовом костюме и клетчатой рубашке он демонстрировал обманчивое сходство с симпатягой-шестидесятником – вроде тех, что пели у своих костров про Париж...

Сходство, повторяю, было обманчиво – хотя бы потому, что никаким симпатягой Таратайко не был; скорее напоминал крепкого немолодого жлоба, полуграмотного, с дрянной невнятной речью – а главное, смертельно разобиженного приткими «грамотеями», которые тискают свои несовершенные творения в уважаемые журналы, называют эту халтуру «экспериментами» да еще получают за нее деньги; деньги, конечно, плевые, но все равно жалко... Примерно об этом писатель Таратайко и докладывал своим читателям. Сетовал...

Короче говоря, Таратайко и наша читающая публика нашли друг друга; как выразился Сергей Довлатов по аналогичному поводу – встретились, поговорили...

Я-то лично на упомянутой встрече не была, поэтому подробности знаю слабо. Зато мне хорошо известны последствия. Городская общественность (во всяком случае, несколько теток, считающих себя выразителями общественного мнения) во время «неформальной» части встречи (между рыбным пирогом и селедкой «под шубой») заключили с гостем соглашение. По условиям этого пакта, Городская библиотека обязуется и впредь исправно подписываться

на областной журнал, ну а редакция, в свою очередь, отказывается от материалов «непатриотического» содержания. Тех, что порочат уважаемых людей. И вообще – всё самое дорогое... В частности – от моих материалов.

Узнав окольными путями об этой сделке, я немного удивилась. Собственно, мои сограждане как раз не предстали в новом свете – но вот сотрудники редакции... Ну, завхоз – но ведь пишущий человек! Конечно, плохо пишущий, два раза перепутал «межу» с «промежностью»... И все равно! Да и вообще – может ли быть, что редакционные дела переданы в руки завхоза?!

Редакционные дела...

Печально, но сейчас мне придется описывать этот малознакомый предмет. Увы! Дело в том, что жизнь редакции я представляю слабо и в основном по чудному фильму «Голубые горы»; к этому можно прибавить и кое-какой личный опыт – весьма скудный, как я уже признала. И все же вышло так, что одно из самых острых переживаний в моей жизни я испытала как раз в редакции литературного журнала. Это произошло в самом начале марта (примерно через месяц после описанной встречи Глеба Таратайко с благодарными читателями).

В этот отвратительный мартовский день, точнее – нескончаемый вечер я испытала, по моему, чересчур много чувств, но главным образом я испугалась... Я буквально оцепенела от страха, потому что попала в ловушку. А ловушка оказалась с секретом, со спрятанным в кустах роялем... вот только спрятан был вовсе не рояль...

Попробую, однако, восстановить порядок грустных событий (конечно, грустных – но скорее, странных, почти маловероятных...).

Накануне своего Приключения я села на первый автобус (в 6 часов 15 минут утра), чтобы покинуть маленький город и через четыре часа оказаться в большом.

Я уже упоминала, что стоял март – возможно, самое отвратительное в наших краях время года. Автобус шел медленно, на обочине дороги лежали нетронутые груды снега. Эти грязные подтаявшие горы сопровождали нас почти до областного центра – неофициальной столицы нашего края. Книга, которую я прихватила с собой, лежала на дне моей сумки (это был роман французских писателей Буало и Нарсежака, действие там происходило в туманных парижских пригородах – уф! Дело было году в 58, и возможно, тогда в Париже жилось так же неуютно, как мне в те паршивые мартовские дни?).

Но читать я все равно не могла. Во-первых, было довольно темно, ну а во-вторых... во-вторых, я все думала о своих неустроенных делах (я рассчитывала, что эта поездка их поправит).

Несколько дней назад мне позвонил Дима Смольянинов, зав. отделом прозы. От него-то я и узнала неприятную новость: моя очередная повесть, которая должна была выйти в ближайшем номере, в последнюю, можно сказать, минуту была изъята из набора; о причинах Дима по телефону говорить отказался, но я и сама знала, что за причины, вернее – что за причина: Таратайко, выразитель народных чаяний, – вот в чем было дело...

Выслушав печальную весть, я вздохнула и сообщила Диме, что с удовольствием навещу редакцию и что мне, конечно, хотелось бы услышать его, Диму, точку зрения по этому удивительному делу. Дима Смольянинов растерянно согласился, и вот теперь я ехала в автобусе и слушала шуршание шин по мокрому снегу... Как говорится, в Москву! В Москву!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.